

# “наш театр проклят так же, как и другие”

Роман Козак — Газете

Поняли, что не вписываетесь в команду, которую собирал Олег Табаков? Да. Впрочем, никто и не звал. Это естественно: приходит новый человек с новым мировоззрением и делает ставку на все то, что его окружало. Поскольку я никогда не был частью жизни Олега Павловича... Но переломным моментом для меня была смерть Ефремова.

**Не лучше ли быть свободным художником?**

Я уже побыл свободным опылителем цветков разных полей. Поставил много спектаклей в разных странах Европы. Но поскольку я был воспитан в уже отмирающей традиции театра-дома, это воспитание никуда не денешь.

**Однако вы пускаете в свой дом других «хозяев», которые на Малой сцене делают хорошие спектакли.**

Я счастлив, что на нашей сцене зазвучал Кирилл Серебренников. И не только он. Пригласим Нину Чусову, Юрия Бутусова из Питера... Это — часть программы, которую я объявил. С одной стороны — филиал, который должен стать полигоном для экспериментов, открытий, с другой — Большая сцена, существующая для более широкого круга зрителей. Естественно, зальчик на сто мест может рисковать, а зал на тысячу... Там рисковать, экспериментировать намного труднее. Там надо лавировать. Нужно делать культурные спектакли, но учитывать такой фактор, как заполняемость зала.

**Вам не приходится, грубо говоря, сдерживать в себе художника, постоянно учитывая «фактор заполняемости»?**

Я уже выпустил два спектакля на Большой сцене — «Ромео и Джульетта» и «Черный принц». В смысле заполняемости я, по-моему, победил. Но я себя не сдерживал, нет. Уже направление усилий многое определяет. «Ромео и Джульетта» — спектакль для тинейджеров, сделанный молодыми людьми. Однажды после спектакля я слышал разговор семнадцатилетних: «А че, клевае вещь, надо прочитать?» Все равно это комплимент. Театр победил. Поначалу подростки орут, ведут себя как на рок-концерте, а потом замирают и следят за развитием событий. А когда меня спрашивают: «А какую новую театральную эстетику вы принесли, не идете ли вы на поводу у зала?..» У меня, честно говоря, нет желания отвечать на эти вопросы. Смотрите спектакль.

**Вы не могли бы объяснить, почему ваши спектакли шли в такой последовательно-**

**сти: сначала была поставлена «Академия смеха», потом «Ромео и Джульетта», последняя премьера — «Черный принц»? Какие театральные вопросы — организационные и эстетические — вы разрешали с помощью каждой постановки?** Я вообще отношусь к интуитивистам, которых скорее пьеса находит, а не они пьесу. И «Академия смеха», и «Ромео и Джульетта», и «Черный принц» — это скорее звенья моей биографии, чем выстраиваемой мной концепции. Потом, конечно, я вижу в этом развитии какую-то логику, а может быть, придумываю ее. «Академию смеха» с Фоменко и Паниным я сделал, поскольку планы большой сцены были намечены до того, как я стал худруком. И мне нужно было, чтобы прозвучал филиал. Спектакль «Ромео и Джульетта» должен был влить молодую кровь в Театр Пушкина. Я пригласил молодых артистов, которые должны стать через несколько лет основой молодой труппы. Ведь те, кто в этом театре считался молодым актером, — уже давно не молодежь.

**Вы приглашаете в ваши спектакли довольно много актеров из других театров. Это значит, что труппу вашего театра ждут увольнения?**

Наличие трудовой книжки в отделе кадров не означает причастности к жизни театра. Это рудимент социализма, который будет отмирать. И уйдет. Все равно договорные отношения с актерами будут строиться индивидуально. Кто-то будет приглашен на одну постановку, кто-то на сезон, кто-то на постоянной основе. Будет очень свободная система.

**Это не противоречит идее театра-дома, о приверженности которой вы говорили?** Нет. Абсолютно. Потому что те актеры, которых я приглашаю — Панин, Фоменко, Фелистов, Мысына, — это актеры моего круга, с которыми я не первый раз работаю.

**Но ведь неизбежна ревность со стороны штатных актеров вашей труппы.**

В конце прошлого сезона я повесил на доске девять приказов — девять! — о распределении ролей. Почти вся труппа занята в спектаклях... А что касается увольнений... Это не мой почерк. Может, сначала мы попробуем поработать? Очень легко прийти в театр и помахать шашкой. Но потом на нее самому можно напоротся. Надо проверить в работе все компоненты, а потом уже думать, какой из них плох или хорош.

**Вы чувствуете, что новая публика пришла в ваш театр?**

Что касается филиала, там кардинально поменялось все, и ходит туда элитарная театральная публика, что очень хорошо. Что касается Большого зала, мне кажется, меняется состав публики и там. И, может быть, мне в скором времени удастся поменять ситуацию. И из просто гуляющей, бульварной, командировочной, случайно забредшей публики привлечь людей, которые будут ходить именно в этот театр именно на эти спектакли.

**Вы постоянно в поиске спонсоров?**

Деньги приходится добывать из самых неожиданных источников. Вплоть до того, что открываю книжку, нахожу телефоны своих одноклассников, уехавших за рубеж, в надежде, что кто-то из них разбогател. И однажды сработало! Позвонил одному в Америку: «Помоги, дружок, у меня сейчас театр!».

**Вы наблюдаете за развитием Художественного театра под руководством Табакова?**

Конечно! Это мой дом, и я не считаю, что я оттуда ушел. Родина есть родина. И не то что наблюдаю за МХАТом, а болезненно слежу.

**Почему болезненно?**

Потому что это МХАТ.

**У вас часто такое бывает: видите какую-нибудь ситуацию в жизни и думаете: «Хорошо бы перенести это на сцену».**

У нас же очень мерзкая профессия: какая-то часть мозга все время наблюдает. Всегда, во всех ситуациях. Даже на похоронах наблюдаешь за всеми, за собой. В любви, в повседневных делах — все время сознательно и бессознательно откладываешь что-то в эту копилку.

**Не надоедает?**

Это образ жизни.

Говоря с новым худруком Театра Пушкина, нельзя обойти такой вопрос: когда вы решали, стать худруком или нет, на вас хоть как-то влияла легенда о том, что Алиса Коонен прокляла этот театр? Нет, эта ерунда на меня точно не влияла. Коонен не могла никого и ничего проклясть, она была верующим человеком. А те, кто говорит, что этот театр после Таирова был абсолютно безуспешным, пусть полистают театральные учебники. Театр этот проклят точно так же, как другие. И совсем не Коонен.

Роман Козак: «Очень легко прийти в театр и помахать шашкой. Но потом на нее самому можно напоротся» Фото: ИТАР-ТАСС

В Ханты-Мансийске проходит театральный фестиваль «Чайка». Одним из главных событий фестиваля стал спектакль «Академия смеха» в постановке Романа Козака с Николаем Фоменко и Андреем Паниным в главных ролях. С художественным руководителем Театра имени Пушкина Романом Козаком встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Когда вы решали возглавить Театр имени Пушкина, какие плюсы и минусы вы взвешивали и почему все же реши-

лись стать худруком одного из самых малоудачных на то время театров Москвы? Поначалу я отказался. Я еще работал во МХАТе, был жив Ефремов. Я — его ученик, очень его любил и не мог уйти из МХАТа в довольно трудный для этого театра момент. Потом я делал постановки в разных странах и слышал, что за постом худрука Театра имени Пушкина развернулась настоящая гонка с преследованиями. Я в этих бегах не участвовал. Потом опять пришло это предложение, и оно совпало с новой ситуацией во МХАТе: Ефремова уже не было, пришел Табаков, и я понял, что мне лучше уйти.